

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Е. Четин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Секретариат Конституционного Суда
Российской Федерации

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОСТУПА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ИНФОРМАЦИИ ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ

LEGAL ACCESS MODE OF LAW ENFORCEMENT BODIES TO THE COMMUNICATIONS PROVIDERS' INFORMATION

В статье на основе сравнительного анализа законодательства и судебной практики рассматриваются вопросы правовых условий доступа правоохранительных органов к информации операторов связи, касающейся персональных данных абонентов сетей связи, сведений об IMEI-номерах их мобильных телефонов, а также о соединениях между неопределенным кругом абонентов на конкретной территории, обосновывается правовой статус сведений об абонентах.

The article based on a comparative analysis of legislature and judicial practice examines the issues of the legal access of law enforcement bodies to the communications providers' information concerning personal data of their subscribers, IMEI-numbers of their mobile phones and also connections between a number of subscribers on a particular area. The legal status of the information about subscribers is justified.

Обеспечение защиты граждан от преступных посягательств, эффективное раскрытие и расследование совершенных преступлений в современных условиях невозможно без использования информации, циркулирующей в сетях электросвязи, и без привлечения для этого технических ресурсов операторов связи. Однако действия правоохранительных органов по получению такой информации связаны требованием ч. 2 ст. 23 Конституции России, установившей, что право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почто-

вых, телеграфных и иных сообщений может быть ограничено только на основании судебного решения.

В связи с этим возникает вопрос о том, вся ли имеющая значение для предупреждения и раскрытия преступлений информация, находящаяся в распоряжении операторов связи, попадает в сферу действия этого конституционного права, либо какую-то ее часть оно не затрагивает. Готового ответа на этот вопрос законодатель не дает, а ученые и правоприменители придерживаются различных позиций о необходимости

судебного разрешения на получение, например, персональных данных абонентов сетей связи, сведений об IMEI-номерах мобильных телефонов, данных о соединениях между неопределенным кругом абонентов на конкретной территории и некоторых других сведений [1–4].

Анализируя сложившуюся ситуацию, нельзя не обратить внимание на то, что конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений по-разному интерпретируется в законодательных актах Российской Федерации, а потому требует глубокого сравнительного анализа используемых законодателем понятий и терминов с целью выработки единого подхода к их пониманию.

Механизм обеспечения этого конституционного права в деятельности операторов связи в общих чертах определен в Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (далее - Закон о связи), регулирующем отношения, связанные с оказанием услуг электросвязи и почтовой связи на территории России.

В ст. 63 этого закона закреплено понятие «тайна связи», содержание которого определено как тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Сравнивая это понятие с формулировкой ч. 2 ст. 23 Конституции России, следует обратить внимание на существующее между ними различие: если конституционное право, закрепленное в этой норме, охватывает любые виды коммуникаций между индивидами, то тайна связи ограничивается только теми, которые осуществляются по сетям электрической и почтовой связи. Таким образом, в понятие тайны связи не включены коммуникации индивидуального (неорганизованного) порядка: в частности, пересылка корреспонденции через доверенных лиц, курьеров, переговоры по самоорганизованному (частным) каналам электросвязи и т.п. Отсюда следует, что понятие «тайна связи» является более узким по сравнению с понятием «тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», а потому его можно рассматривать в качестве составного элемента рассматриваемого конституционного права.

В ч. 3 ст. 63 Закона о связи установлены виды ограничений тайны связи, допускаемых только на основании решения суда, к которым отнесены «осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми

по сетям электросвязи и сетям почтовой связи». Анализ содержания этой нормы свидетельствует, что перечень действий по ограничению тайны связи носит закрытый характер и не предполагает расширительного толкования. При этом под ознакомлением с информацией и документальной корреспонденцией в данном случае вполне определенно следует понимать изучение содержания посылок, писем, телеграмм, телефонных переговоров, компьютерных файлов и иных, в том числе электронных, отправлений.

Важное значение для рассматриваемого нами вопроса имеет содержание ст. 64 Закона о связи, закрепляющей обязанности операторов связи и ограничение прав пользователей услугами связи при проведении оперативно-розыскных мероприятий, мероприятий по обеспечению безопасности Российской Федерации и осуществлении следственных действий. Часть первая этой статьи обязывает операторов связи предоставлять органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, «информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи (выделено нами. — А.Ч.), а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных законами». Таким образом, здесь идет речь о двух конкретных видах информации, не упоминавшихся в предыдущей статье: 1) информации о пользователях услугами связи и 2) об оказанных им услугах связи, обязанность предоставления которой оператором связи не обуславливается наличием судебного разрешения. Отсюда можно сделать вывод, что законодатель в данном случае исходит из того, что указанные виды сведений не попадают под защиту ч. 2 ст. 23 Конституции России.

Указав сведения, которые оператор связи обязан предоставлять уполномоченным государственным органам, законодатель, к сожалению, недостаточно четко раскрыл их понятие. Так, в части первой ст. 53 Закона о связи, регламентирующей формирование баз данных об абонентах операторов связи, определено, что «к сведениям об абонентах относятся фамилия, имя, отчество или псевдоним абонента-гражданина, наименование (фирменное наименование) абонента — юридического лица, фамилия, имя, отчество руководителя и работников этого юридического лица, а также адрес абонента или адрес установки оконечного оборудования, абонентские номера и другие данные, позволяющие идентифицировать абонента или его оконечное оборудование, сведения баз данных систем расчета за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента». Таким образом, в

данной норме, носящей дефинитивный характер, в содержание понятия «сведения об абонентах» оказались включены также «сведения баз данных систем расчета за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента», т.е. законодатель эти понятия в данном случае объединяет.

Сравнительный анализ понятий сведений об абонентах и об оказанных услугах связи, используемых в статьях 53 и 64 Закона о связи, свидетельствует об их несогласованности и противоречивости, препятствующей единообразному применению закона в правоохранительной деятельности.

На наш взгляд, эти понятия должны разделяться, как это сделано в ст. 64 Закона о связи, поскольку, во-первых, содержание сведений об абонентах и сведений об оказанных услугах связи имеет разную природу происхождения. Так, сведения об абонентах формируются в процессе заключения договора на оказание услуг связи путем предоставления гражданами своих персональных данных представителю оператора связи, который становится их обладателем до начала фактического оказания самих услуг. При этом порядок заключения договора на услуги связи, предусматривающий обязательность отражения в нем персональной информации, аналогичен порядку заключения любых других гражданско-правовых договоров на оказание услуг: медицинских, туристических, транспортных и др., когда от гражданина требуется предъявление документа, удостоверяющего личность и, таким образом, им добровольно осуществляется передача другой стороне договора своих персональных данных. В свою очередь, сведения об услугах связи появляются в результате реального пользования такими услугами, которые фиксируются с помощью специальных так называемых программно-аппаратных биллинговых систем, используемых операторами связи. Таким образом, эти сведения имеют иной механизм следообразования, основанный на функционировании систем связи.

Во-вторых, разграничение понятий сведений об абонентах и об оказанных услугах связи обусловлено отличием их содержания. Так, данные, относящиеся к сведениям об абоненте, на наш взгляд, подпадают под действие Федерального закона «О персональных данных», в соответствии с которым любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), относится к персональным данным [5]. Традиционно, как это было зафиксировано в первоначальной редакции этого Закона, к персональным данным относятся фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место

рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы и другая информация.

При этом ст. 6 данного Закона допускает обработку персональных данных без согласия субъекта в случаях, когда она необходима для осуществления правосудия, исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица, подлежащих исполнению в соответствии с российским законодательством об исполнительном производстве, а также для исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти, к которым относятся все правоохранительные органы. Статья 7 этого же Закона вводит понятие «конфиденциальность персональных данных», под которой понимаются обязательное для соблюдения оператором или иным лицом, получившим доступ к персональным данным, требование не допускать их распространения без согласия субъекта персональных данных или наличия иного законного основания. Эти положения Федерального закона «О персональных данных» прямо допускают возможность получения уполномоченными субъектами, в том числе и сотрудниками правоохранительных органов, сведений об абонентах без судебного решения.

Именно так истолковывает положения рассматриваемого закона и судебная практика. В частности, в определении Высшего Арбитражного Суда России от 16 декабря 2011 года, рассматривавшего спор между службой судебных приставов и оператором связи, отказавшим в предоставлении сведений об абоненте, было разъяснено, что положения ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» устанавливают возможность получения сведений об абоненте, в том числе и службе судебных приставов [6].

О допустимости сбора персональных данных без согласия лица в связи с осуществлением правосудия или в соответствии с законодательством о безопасности, об оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством неоднократно отмечалось и в комментариях к Конституции России. По мнению их авторов, это полностью соответствует международным нормам в области прав человека, которые признают допустимость вынужденного вмешательства в неприкосновенность частной жизни в сфере борьбы с преступностью и рассматривают такие ограничения необходимыми в демократическом обществе [7–9].

Таким образом, персональные данные абонентов сетей электросвязи составляют отдельную группу сведений, носящих конфиденциаль-

ный характер, но не относящихся к тайне телефонных переговоров, а их получение от операторов связи для решения задач оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства не требует судебного разрешения.

В качестве дополнительного аргумента к нашему выводу можно сослаться на известное среди специалистов Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 345-0, в котором применительно к предмету запроса заявителя дано конституционно-правовое толкование права на тайну телефонных переговоров. В мотивировочной части этого решения было установлено, что «право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информация, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются *любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры* (выделено нами. — А.Ч.), включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения» [10].

Анализ приведенного положения позволяет заключить, что персональные данные абонента в силу своего содержания и механизма появления не могут быть отнесены к сведениям, «передаваемым, сохраняемым и устанавливаемым с помощью телефонной аппаратуры», которые Конституционный Суд отнес к тайне телефонных переговоров.

Данное Конституционным Судом толкование пределов конституционного права на тайну телефонных переговоров получило свое законодательное признание в Федеральном законе от 1 июля 2010 года № 143-ФЗ, дополнившем УПК РФ статьей 186.1, которая закрепила процедуру нового следственного действия — получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, — проводимого на основании судебного решения. Введя новое понятие в арсенал процессуальных средств доказывания, законодатель в пункте 24.1 ст. 5 УПК РФ определил его содержание как получение следователем (дознавателем) от оператора связи сведений о дате, времени, продолжительности соеди-

нений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций.

Анализируя это определение, нельзя не видеть, что в содержание нового следственного действия кроме собственно данных о соединениях абонента (об оказанных услугах связи) оказались включены еще три вида сведений: 1) о номерах абонентов, 2) других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, 3) сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций, которые требуют уяснения их сущности. Однако эти сведения не следует отождествлять с персональными данными абонентов сетей связи, как это делают некоторые исследователи [3].

Исходя из логического толкования рассматриваемой нормы, под номерами абонентов следует понимать те абонентские номера, с которыми осуществлялось как входящее, так и исходящее соединение абонентского устройства проверяемого лица.

К другим данным, позволяющим идентифицировать абонентов, специалисты, на наш взгляд, вполне справедливо относят сведения о SIM-карте и об IMEI-номере абонентского оборудования [11], которые представляют немалую ценность для раскрытия и расследования преступлений. К этой же группе данных можно отнести сведения о смене SIM-карт на одном и том же пользовательском оборудовании либо об использовании одной SIM-карты на нескольких мобильных телефонах.

Следует отметить, что вопрос о правовом режиме получения информации об используемом абонентами оборудовании, в частности IMEI-номере мобильного телефона, вызывает немало дискуссий среди ученых и практиков. Нет единства взглядов на этот вопрос даже внутри ведущего правоохранительного ведомства — Генеральной прокуратуры. Об этом, в частности, свидетельствует факт того, что в одном из номеров журнала «Уголовный процесс» в двух статьях, подготовленных прокурорами разных регионов страны, были высказаны противоположные точки зрения по вопросу о необходимости получения судебного решения на получение сведений, определяемых по IMEI-номеру мобильного телефона. Если авторы одной статьи доказывали, что получение сведений с помощью имеющегося IMEI-номера требует судебного решения [12], то автор другой утверждал, что не все сведения об

абоненте, определяемые по IMEI, составляют тайну телефонных переговоров [13].

Информация об IMEI-номере мобильного телефона, несмотря на то, что она относится к пользовательскому оборудованию конкретного лица, на наш взгляд, не может быть отнесена к сведениям об абоненте, относящимся к персональным данным. С одной стороны, являясь международным идентификационным номером мобильного телефона, он существует независимо от оказываемых услуг связи; при его приобретении личностью покупателя не персонифицируется, в договоре о пользовании услугами связи IMEI-номер не указывается, а владелец мобильного телефона может и не знать его идентификационного номера. С другой стороны, сведения об IMEI-номере мобильного устройства появляются в базах данных оператора связи лишь в результате обработки сведений об оказанных услугах связи в биллинговых системах. Отсюда можно сделать вывод, что поскольку эта информация может быть получена только с помощью программно-аппаратных средств операторов связи, то согласно приведенной выше правовой позиции Конституционного Суда для этого требуется судебное решение.

Вопрос о правовом режиме получения сведений у операторов связи об IMEI-номере мобильного устройства, как заслуживающий отдельного внимания, был затронут в Обзоре судебной практики Верховного Суда России, который пришел к выводу о «необходимости получения судебного решения для определения местоположения телефонного аппарата относительно базовой станции, а также для определения идентификационных абонентских устройств объектов оперативной заинтересованности» [14].

Данное разъяснение получило признание в практике судов общей юрисдикции. В частности, коллегия по гражданским делам Калужского областного суда своим апелляционным определением от 25 ноября 2013 года разрешила спор, возникший между Управлением МВД по г. Калуге и оператором связи по поводу возможности получения без судебного решения сведений об абонентских номерах и установочных данных владельцев SIM-карт, которые использовались в похищенном мобильном телефоне с известным IMEI-номером. Согласившись с решением суда первой инстанции, судебная коллегия отметила, что указанная информация в рассмотренном ею случае могла быть получена только на основании судебного решения в порядке, предусмотренном статьей 186.1 УПК РФ [15].

Такого же подхода к правовому режиму получения сведений об IMEI-номере мобильного

устройства придерживаются и арбитражные суды, о чем можно судить по получившим освещение в средствах массовой информации судебным процессам между Банком России и операторами связи [16, 17]. В частности, в постановлениях Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2013 года и Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2014 года было установлено, что «сведения об идентификационных номерах абонентских устройств (IMEI) составляют тайну телефонных переговоров» [18].

Таким образом, можно сделать вывод о сложившейся судебной практике толкования законодательных норм, регулирующих доступ правоохранительных служб к информации об IMEI-номерах мобильных устройств, что не может не учитываться правоприменителями.

Согласно п. 24.1 ст. 5 УПК РФ в содержание такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, включены также сведения о номерах и месте расположения приемо-передающих базовых станций, позволяющие установить места нахождения и направления перемещения на местности мобильного телефона. Эти сведения, исходя из буквального толкования, хотя и выходят за рамки названия данного следственного действия, но логически вписываются в его содержание, поскольку они технологически связаны со сведениями об оказанных услугах связи.

К категории сведений о номерах и месте расположения приемо-передающих базовых станций оперативно-следственная практика относит еще один вид информации — сведения о соединениях между абонентами (абонентскими устройствами) на территории, прилегающей к месту совершения преступления. Возможность получения этих сведений в рамках рассматриваемого следственного действия предполагает обязательность предварительного получения судебного решения. Однако, как показало наше исследование, судебная практика по рассмотрению ходатайств о получении таких сведений в настоящее время весьма противоречива. Многие суды отказывают в даче согласия на предоставление таких сведений, мотивируя свои отказы тем, что такие сведения затрагивают интересы неограниченного круга лиц, не причастных к совершению преступлений.

С такой мотивировкой, в частности, Московским городским судом 22 октября 2012 года было вынесено 15 кассационных определений, которыми подтверждена законность и обоснованность отказов районного суда в выдаче разреше-

ния на получение сведений о соединениях между абонентами на территории, прилегающей к месту совершения преступления. Через неделю этот же суд вынес еще 24 аналогичных решения с той же мотивировкой [19]. В то же время другой состав Московского городского суда своим апелляционным определением от 20 марта 2013 года согласился с доводами представления прокурора и разрешил получение у оператора связи не только сведений о соединениях между абонентами на определенной территории, но также и об SMS-сообщениях между неопределенным кругом абонентов [20].

С проблемой противоречивости судебной практики по санкционированию доступа следователей к сведениям операторов связи о соединениях между неопределенным кругом абонентов на конкретной территории столкнулись и правоохранительные органы г. Санкт-Петербурга. Для разрешения этой проблемы городская прокуратура на заседании своего консультативного совета с участием ученых и практиков разработала правовое обоснование допустимости получения такого рода сведений по судебному решению. Оно базировалось на положении мотивировочной части Определения Конституционного Суда от 2 октября 2003 г. № 345-0, в котором указывалось на «обязанность судьи, рассматривающего ходатайство органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, о производстве действий, связанных с ограничением права на тайну телефонных переговоров, подходить к оценке представляемых в таких случаях материалов ответственно и всесторонне». Исходя из этого, был сделан вывод, что получение следователем информации о соединениях между неопределенным кругом абонентов на конкретной территории имеет целью установление лица, совершившего преступление, для его привлечения к уголовной ответственности, т.е. направлено на практическую реализацию положений ст. 6 УПК РФ о защите прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, что в целом отвечает интересам общества и государства. При этом совершенно правильно отмечалось, что ни Конституционный Суд в названном определении, ни законодатель в ст. 186.1 УПК РФ не связывают возможность получения интересующих следствие сведений с установлением определенного лица, использующего конкретный абонентский номер сотовой связи [21].

Изучение судебной практики в других регионах России показывает, что в ряде из них суды уже давно дают разрешение на получение такой информации в случаях, когда инициаторы запроса убедительно аргументируют необходимость ограничения конституционных прав широкого круга лиц с учетом конкретных обстоятельств дела.

О допустимости получения следователем информации о соединениях между неопределенным кругом абонентов на конкретной территории говорится и в международных правовых актах. В частности, в Резолюции Совета Европы от 17 января 1993 года о законном перехвате телекоммуникаций указывалось на возможность правоохранительным органам требовать информации о наиболее точном географическом положении абонента в сети мобильной связи, об оказанных конкретных услугах связи, касающихся предмета перехвата, осуществлять полный мониторинг перехваченных телекоммуникаций в режиме реального времени и т.д. [4].

В завершение следует отметить, что получение правоохранительными органами у операторов связи информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений, достаточно серьезно ограничено действующим законодательством, которое вместе с тем объективно отстает от технического прогресса. В этих условиях появление новых возможностей контроля поведения подозреваемых и обвиняемых в целях эффективного раскрытия и расследования преступлений требует постоянного совершенствования правовых норм, регулирующих полномочия правоохранительных органов по доступу к информации операторов связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А., Корниенко О. Использование в доказывании информации, полученной у операторов связи // Уголовное право. — 2006. — № 1. — С. 111—115.
2. Ивченко Л.И. Тактика контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений. — М., 2005. — С. 49—50.
3. Волынская О.В., Шишкин В.С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // Российский следователь. — 2011. — № 2. — С. 12—15.
4. Семилетов СИ. Проблемы обеспечения конституционных гарантий защиты прав и свобод человека в России при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в сетях связи: монография. — М.: ЮРКОМПАНИ, 2012. — С. 161.
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ Ст. 3 (в ред. Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 16 декабря 2011 года № ВАС-14324/11 о передаче дела в Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 1996. — С. 91.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. — 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2002. — С. 164.

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. — Изд. 3-е, пересмотр. — М., 2013. — С. 239.

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 345-0 об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Соколов Ю.Н. Использование информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе предварительного расследования преступлений // Российский следователь. — 2011. — № 11. — С.18–21.

12. Дмитриев А.А., Жиганов С.В. Истребование информации о пользователе телефона по IMEI-коду в ходе ОРД // Уголовный процесс. — 2011. — № П. — С. 46.

13. Иванов А.Н. Не все сведения об абоненте, определяемые по IMEI, составляют тайну телефонных переговоров // Уголовный процесс. — 2011. — № П. — С. 44.

14. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 года. Пункт 7.3. // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Калужского областного суда от 25 ноября 2013 года № 33-3099/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Окунь Л. Детализацию счета от ЦБ надо защищать не так, как адреса электронной почты [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravo.ru/review/view/106623> [дата обращения: 17.07.2014].

17. Михалева А., Гусева Е. Mail.Ru одолев Центробанк в споре за данные пользователей [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.ru/court_report/view/104585/ [дата обращения: 17.07.2014].

18. Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2013 года № 09АП-28908/2013; Постановление арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2014 года по делу № А40-56142/13-130-551 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Кассационное определение Московского городского суда от 22 октября 2012 года по делу № 22-14129/12; Кассационное определение Московского городского суда от 31 октября 2012 года по делу № 22-14801/12 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2013 года № 10-907 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Резцов А.В. Применение органами предварительного расследования ст. 186.1 УПК при получении сведений о телефонных переговорах // Законность. — 2013. — № 7. — С. 12–15.

REFERENCES

1. Ivanov A., Kornienko O. Ispolzovanie v dokazyivanii informatsii, poluchenoj u operatorov svyazi // Ugolovnoe pravo. — 2006. — № 1. — S. 111–115.

2. Ivchenko L.I. Taktika kontrolya i zapisi peregovorov i ispolzovanie rezultatov etogo sledstvennogo deystviya v rassledovanii prestupleniy. — M., 2005. — S. 49–50.

3. Volyinskaya O.V., Shishkin V.S. K voprosu o dokazatelstvennom znachenii svedeniy o telefonnykh soedineniyah // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 2. — S.12–15.

4. Semiletov S.I. Problemy obespecheniya konstitutsionnykh garantiy zaschity prav i svobod cheloveka v Rossii pri osuschestvlenii operativno-rozysknoy deyatel'nosti v setyah svyazi: monografiya. — M.: YuRKOMPANI, 2012. — S. 161.

5. O personalnykh daniykh: Federalnyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ St. 3 (v red. Federal'nogo zakona ot 25 iyulya 2011 g. № 261-FZ) // SPS «KonsultantPlyus».

6. Opredelenie Vyishego arbitrazhnogo suda Rossiyskoy Federatsii ot 16 dekabrya 2011 goda № VAS-14324/11 o peredache dela v Prezidium Vyishego arbitrazhnogo suda Rossiyskoy Federatsii // SPS «KonsultantPlyus».

7. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / pod red. L.A. Okunkova. — Izd. 2-e, dop. i pererab. — M., 1996. — S. 91.

8. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / pod obsch. red. V.D. Karpovicha. — 2-e izd., dop. i pererab. — M., 2002. — S. 164.

9. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / pod red. V.D. Zorkina. — Izd. 3-e, peresmotr. — M., 2013. — S. 239.

10. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 oktyabrya 2003 goda № 345-0 ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Sovetskogo rayonnogo suda goroda Lipetska o provere konstitutsionnosti chasti chetvertoy stati 32